

ОМЕНА
г. Ленинград

15 ДЕК 1987

Барды за редким исключением не пекутся о своей рекламе, не добиваются интервью, телевизионных съемок, пластинок. Видно, уже сам жанр диктует иное — философское, критическое отношение к творчеству и ко всему, что окружает творческого человека. Вот и Александр Суханов — имя, в кругах поклонников авторской песни очень известное, а за пределами этого круга?..

К ИДЕЕ встретиться и поговорить он отнесся «никак»: не выразил радости, но и не выказал раздраженности. И вот мы сидим после его концерта в обычном номере гостиницы Дворца молодежи (эстрадные же «звезды» непременно селятся в интуристовских люксах) и пытаемся нащупать линию разговора, линию его судьбы.

— Александр, пятью этажами ниже, на всех площадках молодежного дворца, жизнь бьет ключом: дискотека, видеобар, гриль, лекция о роке. А вы «привезли» сюда совсем иную атмосферу — романтические стихи Фета, Шелли, Верлена, Анненского, Заболоцкого, Сельвинского, точные мелодии, неспешный разговор под шестиструнку. Вы всегда существуете в таком мире или только тогда, когда берете гитару?

— Да, там внизу — ритм, бьющий на чувства, эмоции, свет, там суетно и так не хватает интимного разговора. Знаете, можно ведь дожить до седых волос и не вкусить, что это такое — интимный разговор, хотя и прекрасно разбираться в тонкостях тусовки. Я беру гитару, чтобы дополнить, добрать то, чего ни я, ни мои слушатели не получим ни в роке, ни в эстраде. Какой я на концертах — равно такой и в жизни.

Он в свои 38 — степенный, проникательный, этакий «начинающий мудрец». А я помню Сашу лет десять назад, когда он только появился в бардовском мире. Казалось, «залетел» сюда случайно. В математической школе был круглым отличником, отучившись на матемехе в МГУ, получил красный диплом, остался в аспирантуре, стал преподавателем, в 25 — кандидатом наук, преподает в МГУ. Всего, чего хотел, — достигал. В 8-м классе самостоятельно изучил высшую математику, потом решил сделать себя физически сильным — занялся атлетической гимнастикой. Песни же писал для себя. Брал с полки стихи Шекспира, Бернса, Сельвинского, Рубцова, Уткина, Эмина, Дриза и подбирал мелодию. О существовании КСП (клубов самодельной песни) почти не знал, а если где и пел, так в университетской самодельности и в кругу друзей. Онит и усадили его в машину, привезли в Куйбышев, на гигантский фестиваль имени Грушника. Там он стал лауреатом, но долго еще ходила о нем молва как об эстрадном артисте, человеке, который музыку ставит выше стихов, а значит, может «дезертировать» в шлягерную песню. В клане же КСП привыкли делать ставку

на немудреный аккомпанемент, нашептывание своих виршей под гитару.

Я почему-то тоже считал, что Суханов создан для эстрады, что дай срок — его песни запоют Пугачева, Ротару, Леонычев.

Но все повернулось иначе.

— Почему же, Александр? Саша не успевает ответить, как в разговор вмешивается его жена:

— У него же математический подход ко всему. Он не сразу взялся сочинять стихи. Сначала изучил вопрос: стилистику, законы стихосложения. К поэзии у него также научный подход.

— Да и к музыке тоже, — это уже он сам добавляет. — Написать мелодию к стихам мне, если честно, не составляло никакого труда. А вот написать на одно стихотворение двадцать пять мелодий, а потом одну выбрать — уже задача интересней. Я люблю контрапункты, правило золотого сечения, люблю особо выстраивать ритмический срез песни, экспериментировать.

Дальше он начинает толковать мне о ямбах и хорях, различной длительности, ударениях... Боже мой — вот и пускай в поэзию математиков! Но Александр словно читает мои сомнения.

— Окончательный же вариант все равно достается из тайников души.

В общем, вот моя версия метаморфоз Суханова: он, несомненно, знал, что барды его считают чужаком, и поставил перед собой цель переубедить всех. Задача была из труднейших. Предстояло и

ему самому измениться. И он изменился. Да к тому же еще и болезни одна за другой обрушились вдруг на этого с виду такого атлетического мужчину. Словом, эстрадный мир не получил интересного мелодиста, зато бардовский круг пополнился музыкантом-философом.

Среди миров, мерцания

Одной звезды я повторяю

Не потому, чтоб я ее любил,

А потому, что мне темно

с другими.

теперь чаще показывает авторов-исполнителей, но почему-то выбирает у них одну-две песни и крутит раз за разом. Да и то, что крутит, снято бледно, безвкусно — о видео-клипах мы и не мечтаем.

Я согласен с Александром: и у меня такое ощущение, что телевидение и «Мелодия» по-прежнему боятся бардовской песни, боятся представить ее в многообразии. Зачем, например, Суханову обращаться к стихам «Лампа разбита» Шелли? Актуально ли это сегодня?

ВЫБИРАЕМ
СОБЕСЕДНИКА

«Одной звезды я повторяю имя...»

И если мне в сомненья тяжело —
Я у нее одной молю ответа,
Не потому, что от нее

А потому, что с ней не надо
светло,
света.

В чем-то эти стихи Иннокентия Анненского, ставшие лучшей песней Суханова, и про него самого — про человека, выбравшего свой жанр, свою звезду в сомненьях, среди мерцания стольких холодных светил.

— И все-таки, Александр, не станете же вы отрицать, что бардовская песня сдает свои позиции. Только ли рок-волна виновата? А может быть, и сами барды слишком углубились в философские вопросы, отгородились от молодежных проблем?

— Я не считаю, что мы, поколение 70-х, свое время промолчали, проспали. Я против узколобого понимания молодежных проблем и однобоких проявлений социальной активности. Авторская песня всегда, даже в самые мрачные времена, была социально активна, даже тогда, когда барды пели вальсы или «Последний троллейбус». Потому что эта песня, как никакая другая, — патристична. Другой разговор, что в общественном мнении утвердилось некое одностороннее восприятие на-

«Если речь отзывалась — бледнеет свеча». О чем это? Не слишком ли смелы и сложны его песни «Протуберанец», «Плакат», хотя они и посвящены проблемам мира. А нужны ли молодежи его романсы? Проще крутить «Ягодную малину» и «Белую сирень», да еще поощрять авторов этих шлягеров премиями комсомола...

— А как покой на эстраде о любви! После этого любить не захочется, — говорит Суханов. — Молодежь, конечно, этой белиберде не верит, но других песен тем не менее почти не слышит. Роль субкультуры состоит в том, чтобы оттенять явления настоящей культуры, а у нас они не могут пробиться сквозь заслон поощрения серости и халтуры.

Кто-то может подумать: не о себе ли это печется Суханов? Неужели сам не вьется к ЦТ, к пластинкам? Да нет же, он совсем другой породы: «Я не деловой человек». И наговорить резкостей, излить душу — пожалуй, все, что он может в борьбе за собой, все еще неприкаянный жанр. Впрочем, есть ведь еще его песни, которые хранят и несут по свету его печаль, его боль...

М. САДЧИКОВ

● На сцене — Александр Суханов.

Фото В. Меклера